

11 (24) апреля

Священномученик
Николай (Гаварин)

Священномученик Николай родился 23 декабря 1870 года в городе Якобштадте Курляндской губернии в семье священнослужителя Иоанна Гаварина. Николай окончил в 1893 году Рижскую Духовную семинарию по первому разряду и один курс Духовной академии и был рукоположен во священника ко храму в городе Гродно. Во время Первой мировой войны в 1915 году, в связи с военными действиями, причт храма был эвакуирован в Москву, и отец Николай стал служить в храме святителя Николая на Щепках близ Смоленской площади.

Спустя десятилетие после революции, в 1930 году советские власти стали выселять из Москвы тех, кого они считали социально чуждыми, а к ним в первую очередь принадлежало духовенство. Потеряв место жительства, отец Николай уехал сначала в село Кунцево, а затем поселился в поселке Немчиновка под Москвой и стал служить в храме Рождества Христова.

Храм в Немчиновке появился в 1918 году, когда община верующих попросила местного домовладельца Немчинова пожертвовать под храм свою летнюю дачу. Тот согласился, но с условием, что верующие сами ее отремонтируют, чтобы она могла служить церковью. Местные власти дали разрешение на устройство православного молитвенного дома, и верующие принялись за ремонт. Дача, построенная шестьдесят лет назад, была без фундамента, с одинарным полом, одинарными дверями и окнами и к этому времени сильно обветшала. Верующие произвели капитальный ремонт, полностью заменили сгнивший правый угол здания, пристроили колокольню и выстроили рядом небольшой дом для священника. Однако, несмотря на ремонт, температура в храме в зимние месяцы не поднималась выше трех градусов.

В конце 1934 года новый председатель Немчиновского поселкового совета запретил проведение приходских собраний, колокольный звон, а затем по его распоряжению были сняты и сами колокола. Спустя немного времени, он решил храм закрыть, а здание отдать под занятия физкультурников, ссылаясь на малочисленность прихожан. В это время в поселке было около семисот домов и проживало восемь тысяч жителей, из которых две тысячи подписались как верующие под заявлением с протестом против закрытия храма.

2 апреля 1935 года живший на покое в Немчиновке сподвижник по миссионерской деятельности митрополита Макария (Невского) архиепископ Иннокентий (Соколов) направил ходатайство на имя сестры Ленина Марии Ильиничны.

«Я, нижеподписавшийся, – писал владыка, – проживаю в поселке Немчиновка с 1927 года в качестве частного лица под кровом и на иждивении одного моего сына, протоиерея Алексея Константиновича Соколова. Ранее этого времени, в течение полувека, трудился я на миссионерском поприще, приводя из тьмы неведения к познанию Христовой истины идолопоклонников, кочевников горного Алтая... сначала в звании простого миссионера-священника, потом в должности начальника Миссии в сане епископа. В настоящее время по преклонности лет (родился 13 февраля 1846 года) нахожусь в полной отставке. Состою не у дел. Однако имею благословение Священного Патриаршего Синода

на совершение церковного богослужения в немчиновском храме. Пользуясь этим правом, я совершаю здесь Божественную литургию по праздникам. И это доставляет мне величайшее духовное утешение, так что я готов и кости сложить при подножии сего храма. Но вот горе. 25 марта сего года Президиум Мособлисполкома вынес постановление о закрытии нашей церкви по ходатайству председателя Немчиновского поссовета гражданина Куликова, мотивируемое крайне малым количеством верующих Немчиновского прихода, число коих якобы не превышает двадцати человек, тогда как на самом деле число верующих при здешней церкви простирается до двух тысяч душ.

Ввиду изложенного и зная притом Вашу христианскую готовность оказывать посильную помощь всем нуждающимся в оной, обращаюсь к Вам, добрейшая Мария Ильинична, с покорнейшей просьбой поддержать ходатайство православных, поданное в Отдел Культур ВЦИКа об оставлении нам молитвенного здания для совершения необходимых треб»¹.

Ответа на это письмо не последовало. Общиной были написаны и отправлены еще несколько прошений, но ответа и на них не последовало. Все это время в храме, однако, продолжались богослужения.

20 сентября 1935 года было отдано окончательное распоряжение о закрытии храма. В течение трех дней верующие попытались обжаловать это решение, добавляя, что если невозможно оставить им храм, то они просят разрешения снять для богослужений сарай, который у них для этой цели уже найден. Но власти стояли на своем: храм закрыть и не разрешать взять другого помещения.

Весь клир храма, включая протоиерея Алексея Соколова, священника Николая Гаварина и служившего в этом же храме диакона Елисея Штольдера*, вынужден был перейти служить в Николаевский храм в селе Ромашково.

После выхода в 1937 году секретной сталинской директивы о массовых репрессиях следователь Кунцевского отделения НКВД составил списки тех, кого он предполагал арестовать, а также списки «свидетелей», которые могут подписать лжесвидетельства, и начертил схемы – какой «свидетель» какой эпизод антисоветской деятельности обвиняемого должен был подтвердить, а поскольку набор таких эпизодов был невелик, то они тщательно перетасовывались, чтобы создать видимость достоверности.

В августе 1937 года следователь вызвал одного из жителей Кунцево, некоего Александра Ивановича, и предложил ему дать показания на священника Николая Гаварина. Свидетель был со священником незнаком и отказался от подлой роли, и тогда следователь пустился в длинные рассуждения о современном политическом положении и задачах коммунистической партии, которая одной из первых задач поставила посадить всех попов. «То, что ты здесь покажешь, – заключил следователь, – об этом никто не будет знать, и на суд тебя вызывать не будут». Затем следователь вручил свидетелю чистые бланки протоколов допросов, чтобы тот заполнил их дома. Бланки свидетель взял, но не заполнил их, и не зная, чем заполнять, и боясь ответственности.

Следователь, видя, что свидетель не торопится прийти к нему с показаниями, два раза заходил к нему на квартиру сам, но тот, избегая встречи, прятался от него. Тогда следователь снова вызвал его, а также одного из его приятелей, некоего Илью Тимофеевича, в районный отдел НКВД. Первым он

* Священномученик Елисей (Штольдер); память празднуется 7/20 августа.

позвал к себе в кабинет Александра Ивановича. Дал ему бланки протоколов допросов и предложил заполнить их собственноручно. Увидев через некоторое время, что свидетель ничего не пишет, следователь составил небольшой конспект и на основании этого конспекта предложил свидетелю написать показания. Когда протокол был написан, следователь прочитал его, но он ему не понравился, и, разорвав его, он сам заполнил бланк протокола допроса и потребовал, чтобы свидетель его подписал, что тот, наконец, не читая, и сделал. Затем следователь позвал к себе Илью Тимофеевича, которому также предложил подписать заранее написанные протоколы «свидетельских показаний». Увидев на его лице колебание, следователь стал его убеждать, что в этом ничего страшного нет, и сослался на бывшего тут только что Александра Ивановича, и таким образом убедил и его подписать, не читая, протокол. Впоследствии, когда следователю понадобились лжесвидетельства против других людей, он, зайдя к Илье Тимофеевичу домой, попросил его подписать еще три пустых бланка протоколов, что тот и сделал.

Той же осенью оба лжесвидетеля случайно встретили на улице следователя, и тот предложил им дойти до села Ново-Ивановского, где, по его словам, ему нужно было кое-кого допросить, и те согласились. Когда они пришли в село, следователь попросил лжесвидетелей подождать его, а сам вошел в здание клуба. Выйдя оттуда через некоторое время, он вручил лжесвидетелям в награду за оказанные ими услуги спиртное, но сам пить с ними не стал и ушел.

Для более эффективного ведения дел следователь привлек к следственному процессу председателя Ново-Ивановского сельсовета, который согласился вместе со следователем писать протоколы допросов от лица лжесвидетелей, как хорошо знавший людей, проживающих в этом районе. Следователь сначала составлял конспект об антисоветской и антигосударственной деятельности подозреваемого, потом писал протоколы, а затем вызывал того, от чьего лица протоколы были написаны, а председатель сельсовета – тех, за кого он писал протоколы. Так в течение короткого времени они вдвоем составили более полусотни протоколов показаний лжесвидетелей.

На основании подобного рода лжесвидетельств 29 августа 1937 года священник Николай Гаварин был арестован и заключен в Таганскую тюрьму в Москве.

– Беседовали ли вы со Штольдером на политические темы? – спросил священника следователь.

– Мы беседовали о церковных делах, как сейчас нам, священнослужителям, живется плохо при советской власти. Говорили о газетных новостях, об испанских событиях, выражая сомнения, что испанские войска победят фашистов, которые сильны своим вооружением.

– Значит, вы находились на стороне фашистских войск?

– Я этого не могу сказать: мы считали, что фашистские войска сильны своей техникой и организованностью; кроме того, им помогают такие сильные государства, как Германия и Италия.

– Расскажите о своих антисоветских разговорах, которые вы вели вместе со Штольдером.

– Мы беседовали о том, что советская власть неправильно делает, что закрывает церкви, устраивает гонения на церковнослужителей, давит налогами.

– Расскажите о содержании антисоветских бесед подробнее.

– Не могу. Забыл.

– Расскажите о вашем отношении к советской власти.

– Мое отношение к советской власти отрицательное. Я не могу помириться с советской властью за те притеснения, которые мы терпим.

– Следствием установлено, что вы состояли в контрреволюционной террористическо-повстанческой группе и вели активную агитацию против советской власти, членов советского правительства и вождей коммунистической партии. Дайте показания по этому вопросу.

– Я был недоволен советской властью по вопросу ее отношения к религии и к нам, священнослужителям. Но в контрреволюционной группе я не состоял.

15 сентября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Николая к десяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь, и он был отправлен в Ухтпечлаг.

В это время некоторые родственники осужденных вместе со священником стали жаловаться на неправый приговор, доказывая их невиновность; было затеяно новое следствие и передпрошены свидетели, которые поначалу держались прежних показаний, боясь ответственности за лжесвидетельство, а затем все же заявили, что они оболгали людей. Новое расследование, произведенное в 1939 году, вынуждено было признать, что все приговоренные по делу были осуждены неправо. Однако в силу того, что перед безбожниками верующие люди, и тем более священнослужители, оставались все теми же врагами коммунистической власти, приговор относительно них отменен не был.

Священник Николай Гаварин скончался в Ухтпечлаге 24 апреля 1938 года и был погребен в неизвестной могиле.

«Жития новомучеников и исповедников Российских XX века.
Составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Апрель».
Тверь. 2006. С. 139-144

Библиография

Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии. Дополнительный том IV. Тверь, 2006. / Составитель жития игумен Дамаскин (Орловский). С. 88-93.

ГАРФ. Ф. 5263, оп. 1, д. 1287.

Там же. Ф. 10035, д. П-70332.

Примечания

¹ Там же. Ф. 5263, оп. 1, д. 1287, л. 23-24.